Кокарев Максим Сергеевич

СОЦИАЛЬНЫЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)

В статье рассматриваются принципы, на которых основывались социальные и благотворительные учреждения Русской Православной Церкви конца Синодального периода, функционировавшие на епархиальном уровне. Анализ проводится на материалах Самарской епархии, которая имела сильные традиции взаимопомощи и социальной поддержки. Акцент в статье сделан на механизмах управления, взаимоотношениях между собой социальных и благотворительных учреждений, а также роли разных звеньев епархиальной власти в управлении этими структурами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 65-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Канукова З. В., Хубулова С. А.** Религия в истории и культуре полиэтничного города. Владикавказ в XIX – начале XXI в. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2006. 317 с.
2. **Карев А. В.** Русское евангелическо-баптистское движение // Братский вестник. 1875. № 3. С. 19-27.
3. **Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания.** Ф. 4. Оп. 1.
4. **Политкина К. И.** Выражение в религиозном сознании отношений отчуждения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 138-141.
5. **Скоропад А. Э.** Становление советского политического контроля и антирелигиозной деятельности комсомола: взаимовлияние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 2. С. 163-165.
6. **Хачиров С. С.** «Между небом и землѐй»: религиозный аспект жизни молодѐжи Северной Осетии в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 188-193.
7. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия- Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 14.
8. **ЦГА РСО-А.** Ф. 143. Оп. 1.

PROTESTANT CURRENTS AND SECTS IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Kelekhsaev Rustem Kazbekovich
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
z.kanukova@mail.ru

The article deals with the historical background and current activity of non-traditional religious organizations in the Republic of North Ossetia-Alania, to which the Protestant and sectarian groups are referred. The author reveals that some of them have a long history of residence in the Republic, established traditions that seems to be a guarantee of quite successful activity. The essential activity of the modern Protestant and sectarian groups is analyzed, the attitude of the population of the Republic to them is revealed, the interaction with the bodies of the government is considered, and also some recommendations for the local governments are proposed.

Key words and phrases: Baptists; Evangelists; Jehovah's Witnesses; Molokans; Adventists; Judaizings; tolerance; religious extremism.

УДК 9; 908(470)
Исторические науки и археология

В статье рассматриваются принципы, на которых основывались социальные и благотворительные учреждения Русской Православной Церкви конца Синодального периода, функционировавшие на епархиальном уровне. Анализ проводится на материалах Самарской епархии, которая имела сильные традиции взаимопомощи и социальной поддержки. Акцент в статье сделан на механизмах управления, взаимоотношениях между собой социальных и благотворительных учреждений, а также роли разных звеньев епархиальной власти в управлении этими структурами.

Ключевые слова и фразы: эмеритальная касса; консистория; попечительство о бедных; пенсии; единовременные пособия; епископ; епархиальный съезд; региональная церковная история; Средне-Волжский регион.

Кокарев Максим Сергеевич
Общецерковная аспирантура и докторантура им. Кирилла и Мефодия
maxim.kokarev.1980@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)©

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту 14-31-01022 «Система епархиального управления Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX века (на материалах Самарской епархии)».

К концу синодального периода материальное положение духовенства Русской Церкви продолжало оставаться сложным. Государство пыталось решить этот вопрос путем назначения казенного жалования. Однако

© Кокарев М. С., 2014

и в начале XX века это жалование получали далеко не все приходы; к 1910 году в целом по России его не получала четверть из них, а в некоторых регионах эта цифра была выше. Так, в Самарской епархии к тому же 1910 году без жалования оставалась почти треть приходов – 265 из 986 [2, с. 1693]. Но даже там, где жалование было, оно было очень скромным. Так, в Самарской епархии в 1905 г. среднее жалование от казны составляло 379 рублей, а в соседней Пензенской – 305 рублей [3, с. 101-102]. В Уральской области, которая с 1908 г. в церковном отношении входила в Самарскую епархию на правах викариатства, среднее жалование причта было всего 130 р. (100 – получал священник, 30 – псаломщик) [28, д. 2414, л. 44]. Остальные причты существовали за счет небольших земельных наделов, платы за требы и жалования от сельских обществ. Положение таких причтов осложнилось в начале XX века, когда в связи с чередой неурожайных годов, войнами и усилением революционной пропаганды каждый год отмечались случаи урезания общественного жалования или полного отказа в его выплате. В результате больше всего страдали наиболее социально незащищенные группы духовного сословия. Все это вынуждало Церковь самостоятельно искать возможности для социального обеспечения. Поиск этот выражался в реформировании существующих и создании новых учреждений, деятельность которых была направлена на поддержку заштатного духовенства, вдов и сирот духовного звания, учащихся духовно-учебных заведений.

С 1823 г. по указу Александра I в России стали возникать Попечительства о призрении бедных духовного звания. Эти учреждения находились при кафедрах под непосредственным руководством архиереев. Статья 1562 «Устава общественного призрения» гласит: «При каждой епархиальной кафедре состоит отдельно от духовных консисторий попечительство о бедных духовного звания» [35, с. 250]. Попечительство состояло из нескольких членов (в уставе уточнено: 3-6), избираемых из белого духовенства и монашествующих. Несмотря на обособленность от Консистории, один член ее присутствия должен был являться одновременно членом Попечительства «для удобнейшего сношения и согласного действования обоих мест» [Там же, с. 251]. На практике число членов Самарского попечительства не всегда было одинаковым и составляло в разные годы 5-8 человек.

Попечительство финансировалось исключительно за епархиальный счет без дотаций из казны. Источниками дохода для Попечительства служили добровольные пожертвования, кружечные сборы, штрафы с духовенства, доходы с кладбищенских церквей и от праздных священнослужительских мест. Главной целью попечительства было распределение пособий для нуждающегося духовенства и его семей. Для исполнения своих поручений по епархии попечительство имело от одного до трех сотрудников в каждом уезде из числа городского или сельского духовенства, которых назначал епархиальный архиерей. Ежегодно попечительство составляло подробный отчет о своей деятельности, который вместе с приходно-расходной книгой поступал к епископу.

Надо заметить, что Попечительство не располагало крупными суммами, и пособия, которые оно выдавало, вряд ли могли кардинально изменить ситуацию в нуждающихся семьях духовенства. Так, согласно отчету епископа Гурия в 1896 г. пособия из Попечительства получили 590 семейств, и затрачено на эти пособия было 7698 рублей 36 копеек [28, д. 1638, л. 15]. Несложно подсчитать, что средний размер пособия в данном случае – 13 рублей. И если кто-то получал более солидное пособие, то другие – копейки.

В 1907 г. Епархиальный съезд духовенства озаботился увеличением пособий, назначаемых Попечительством. Было решено установить следующие пособия заштатному духовенству: священникам – по 60 рублей, диаконам – по 42 рубля, псаломщикам – по 36 рублей в год. Пособия же, выдаваемые вдовам и сиротам, разделить на три разряда: 1-й разряд – 30 рублей, 2-й – 25 и 3-й – 20 рублей на человека в год [12, с. 37]. В основу данной дифференциации должна была лечь степень нужды, а не статус покойных мужей и отцов этих семейств. Попечительству было рекомендовано ориентироваться не на количество лиц, охваченных пособиями, а на то, чтобы эти пособия приносили реальное облегчение нуждающимся. Было открыто 100 вакансий 1-го разряда, 200 вакансий 2-го разряда и 380 – 3-го.

Еще одним направлением деятельности Попечительства была опека над несовершеннолетними детьми духовенства и их имуществом. Дело это, судя по отчетам, было хлопотным, почему и число лиц, опекаемых Самарским попечительством, было небольшим. Так, в 1909 году опека осуществлялась над наследниками 37 лиц, а в 1911 – над детьми и имуществом 29 священников [36, д. 4, л. 53-55].

Попечительством также оказывалась помощь еще одной крайне незащищенной группе – беднейшим невестам духовного звания. Им выдавалось единовременно при выходе замуж от 50 до 100 рублей, на что Епархиальный съезд ежегодно ассигновал 1000 рублей. Правда, начиная с 1912 г. депутаты отказывали в ассигновке, аргументируя тем, что у духовенства практически не осталось ресурсов к самообложению [13, с. 55].

Помимо всего прочего Попечительство действовало и как кредитное учреждение, выдавая ссуды духовенству. В 1906 году Самарскую губернию постиг голод по причине неурожая. В 1907 г. с разрешения Святейшего Синода Попечительство выдавало ссуды под 5% сроком на один или два года. Кредиты духовенство брало охотно, а вот отдавало с трудом. На 1 декабря 1910 года должников числилось 127 человек, которые должны были Попечительству 15 270 рублей [10, с. 58-64]. Еще 29 человек, получившие беспроцентную ссуду, задолжали 1 315 рублей. Благочинным было предписано вычитать у должников из жалования, а тем, кому проценты не начислялись, начать начисление [Там же, с. 67]. Давались ссуды духовенству и в 1911-1912 годах также в связи с голодом. Тогда было принято решение на время бедствия «не взыскивать с должников долга и не начислять штрафы» [13, с. 111].

В ведение Попечительства входила епархиальная богадельня им. Александра III для престарелых и увечных священно-церковнослужителей и членов их семей, открытая в 1894 г. Ее история, правда, началась гораздо раньше. В 1887 г. священник с. Григорьевки Николаевского уезда Александр Промптов внес в Самарское

попечительство свои сбережения в размере 12 700 рублей. К 1894 году эта сумма благодаря процентам увеличилась до 19 309 рублей, и епископ Гурий счел ее достаточной для того, чтобы открыть богадельню [29, с. 372]. Со своей стороны, духовенство епархии собрало еще 12 915 рублей (священники – по 10 рублей, диаконы – по 5, псаломщики – по 3) [6, с. 52].

В богадельню, рассчитанную на 20 человек, помещались одинокие престарелые или увечные священнослужители и члены их семей. Так, в 1897 году в богадельне проживало 14 человек: 6 мужчин (2 заштатных священника, 2 диакона, 1 псаломщик и 1 сын священника) и 8 женщин. Постепенно число призреваемых в богадельне росло. В 1899 г. их было 18 человек (5 мужчин и 13 женщин), в 1900 г. – 20, а на 1-е января 1903 г. состояло уже 23 человека (т.е. свыше нормы). При этом отмечалась явная нехватка места для женщин в богадельне, т.к. их во все годы было больше [18, с. 450].

Источниками существования богадельни были проценты от так называемого «промптовского» капитала, обязательный 2-рублевый сбор со всех причтов, Сретенский кружечный сбор и пожертвования частных лиц. Денег хватало и даже оставались излишки, поэтому с 1 января 1905 года отменили 2-рублевый сбор. В целом Епархиальная богадельня сыграла добрую службу самарскому духовенству, хотя и масштабы ее деятельности были невелики. Двадцать мест при общей численности духовенства епархии 2023 человека в 1900 г. [28, д. 1862, л. 31] и 2366 человек в 1915 г. [Там же, д. 2727, л. 39] (не считая их семей) – это немного.

В декабре 1900 года Святейший Синод утвердил устав детского приюта, который открылся при епархиальной богадельне. По этому уставу приют существовал на следующие средства: 1) ежегодно ассигнуемая съездом сумма из доходов свечного завода; 2) взносы из личных средств духовенства в размере, устанавливаемом съездом (этот сбор сначала был 1-рублевым, а затем с 1 января 1905 года стал 2-рублевым, заменив собой упраздненный 2-рублевый сбор на богадельню); 3) пособие, назначаемое Попечительством детям, которые будут воспитываться в приюте; 4) кружечный сбор в церквях по полугодиям и в праздник Сретения; 5) проценты от приютского капитала; 6) добровольные пожертвования; 7) остатки от дохода церкви при богадельне. Приют состоял под наблюдением епископа и управлялся Попечительством.

Одним из самых животрепещущих вопросов церковной жизни конца синодального периода оставался вопрос о пенсионном обеспечении, так и не решенный в ходе реформ 1860-х годов. Правда, часть духовенства все же получала пенсию от государства, но право на эту пенсию было сильно ограничено целым рядом условий, а ее размер был более чем скромным. По «Временным правилам о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их», утвержденным в 1866 г., священник, беспорочно прослуживший 35 лет, мог рассчитывать на пенсию в размере 70 р., его вдова получала 35 р., вдова с малолетними, увечными или больными детьми – 45 р. [27, с. 418]. Несмотря на периодические незначительные повышения, на рубеже XIX-XX веков пенсии были по-прежнему невелики: священник – 130 р., вдова священника – 65 р., вдова с детьми – 90 р. С 1880 года пенсию стали получать и диаконы: диакон – 90 р., вдова диакона – 40 р., вдова с детьми – 50 р. Псаломщики из этой системы социальной поддержки были совсем исключены. Эти «Временные правила» одним современным исследователем названы дискриминационными, «потому что хотя казна и взяла на себя выплату пенсий, она и не подумала назначить священникам такие же суммы, какие значились в общем пенсионном уставе» [Там же, с. 417].

Таким образом, духовенство в деле своего социального обеспечения было вынуждено полагаться в большей степени на себя. Учитывая небольшие размеры и нерегулярность пособий, выдаваемых Попечительством, можно понять, какое значение имели в жизни духовенства эмеритальные кассы, которые стали открываться с конца 1860-х годов[1]. Первой в 1867 г. открылась такая касса именно в Самаре по инициативе епископа Герасима (Добросердова).

За время своего существования Самарская эмеритальная касса пережила две стадии. В 1867-1904 гг. участие в кассе было необязательным для духовенства. Касса принимала добровольные взносы и давала вкладчикам 60% пенсии на внесенный рубль. Выплаты могли начаться только после 10 лет внесения денег в кассу. Выдавались пенсии по полугодиям: 1 января и 1 июля; за правильность и своевременность выдачи отвечали благочинные [38, д. 58, л. 16].

За основу при составлении устава кассы был взят устав аналогичного учреждения военного ведомства. Разница была небольшой: при одинаковой пропорции сами взносы у военных были в 10 раз больше, и пенсия выдавалась только после 20 лет [25, с. 31-33]. В результате по военному уставу, внося 20 лет по 108 рублей в год (максимальный размер), вкладчик кассы мог рассчитывать на пенсию в 1341 рубль [Там же, с. 32]. В то же время священник мог вносить максимально по 10 рублей и за те же 20 лет зарабатывал себе только 120-рублевую пенсию.

Эмеритальной кассой руководил комитет под надзором правящего архиерея. Члены комитета избирались епархиальным съездом духовенства сроком на пять лет из числа священников г. Самары. Их было шестеро, но те трое, кто набрал меньше всего голосов, оставались кандидатами, а оставшиеся трое были председателем, делопроизводителем и казначеем. Правда, в 1896 году архиерей утвердил одним из членов о. Богородицкого, хотя было два священника, у которых баллов было больше [17, с. 342]. Представителями комитета в округах были попечительские советы эмеритальной кассы, состоявшие из двух членов, которые выбирались благочинническими съездами и утверждались епископом [38, д. 58, л. 11].

---

[1] Эмеритальными (от лат. *emeritus* – заслуженный) кассами назывались капиталы, составленные из отчислений государственных служащих, из которых после отставки последние (или их вдовы и сироты) получали пенсию.

Надо заметить, что далеко не все духовенство добровольно становилось вкладчиками кассы. Те, кто получали небольшое жалование, считали такие траты необоснованными, пытаясь на этих взносах сэкономить. В 1894 году епископ Гурий писал: «Как диаконы, так и особенно псаломщики далеко не все состоят членами эмеритальной кассы и чрез это, по смерти своей, обрекают свои семьи на бедность и нищенство, особенно при многочисленности сирот» [23, с. 169-170]. Владыка всячески старался простимулировать вступление таких лиц в кассу, для чего поручил благочинным и всем священникам вести в этом направлении разъяснительную работу.

На время управления епархией епископом Гурием (1892-1904 гг.) приходится долгий и непростой процесс реформирования эмеритальной кассы самарского духовенства. Процесс этот был инициирован съездом духовенства сессии 1893 года. Депутаты постановили передать на обсуждение благочиннических съездов епархии ряд серьезных изменений в уставе кассы. Предполагалось внести изменения в ряд параграфов: 11 (размеры взносов); 12 (пожертвования при получении наград); 19 (обязательное участие всего духовенства в образовании капитала кассы); 31 (размер пенсии) [38, д. 31, л. 24 об.]. В 1895 г. проект нового устава был направлен в Синод, но последний в течение шести лет не мог его рассмотреть. Только в 1901 г. Синод прислал отношение, содержавшее его комментарии и рекомендуемые поправки.

В результате новый устав был окончательно одобрен только в феврале 1904 г. и вступил в действие сразу же. Устав получился компромиссным, и некоторые его параграфы включали противоречивые положения. Согласно уставу поступления в кассу делятся на два разряда: пенсионный (или разрядный) капитал и благотворительный капитал.

Пенсионный капитал – это неприкосновенный фонд, состоящий из взносов вкладчиков, которые по новому уставу становились обязательными для всего духовенства. Весь капитал сразу по поступлении в кассу переводился в ценные бумаги. Получаемые с него проценты как раз и шли на выплату пенсий вкладчикам [34, с. 166]. Для поддержания данного капитала использовались и взносы от церквей епархии. По изначальному уставу кассы они были добровольными, однако существовала устойчивая тенденция сделать их обязательными. Так, еще епархиальный съезд 1901 года определил четкие размеры взносов: городские церкви – 30 р., монастыри – 20, сельские – 10 [38, д. 48, л. 12]. Однако процесс сбора денег был сложным, и в следующем году «от большинства монастырей и единоверческих церквей совсем не поступило пожертвований или в весьма незначительном количестве» [11, с. 236].

В уставе 1904 г. взносы от церквей названы постоянными поступлениями наряду с личными взносами духовенства (§ 8). Но к этому параграфу есть примечание, где сказано, что взносы церквей являются лишь *добровольным* пожертвованием в эмеритальную кассу. Пункт второй этого примечания говорит о лицах, получивших церковную награду, в том смысле, что они лишь *приглашаются к пожертвованиям* (формулировка, предложенная Синодом) [34, с. 164-165]. На практике же в Самарской епархии и взносы от церквей, и пожертвования награжденных лиц рассматривались как обязательные, и благочинным предписывалось взыскивать с должников.

Благотворительный капитал складывался из необязательных (случайных) вкладов, к которым кроме разовых пожертвований как раз и относились взносы награжденных, а также штрафы должников. Проценты с благотворительного капитала шли на выплату пособий: единовременных (от 25 до 100 рублей) и постоянных (от 10 до 50 рублей) [Там же, с. 166-167]. Кроме того, из этого капитала нередко заимствовали суммы для выдачи пенсий в случаях нехватки процентов с капитала разрядного.

Новый устав закреплял право участия в кассе светских вкладчиков (§ 13). Участниками кассы могли быть служащие консистории, педагогический и воспитательский состав семинарии и духовных училищ, преподаватели учительских и второклассных школ, а также те учителя и учительницы церковно-приходских школ, которые происходили из духовного звания [Там же, с. 167]. Этот параграф был принят не без споров, так как еще в 1900 г. съезд духовенства в качестве меры для повышения устойчивости кассы предлагал запретить участие для всех светских лиц [38, д. 46, л. 32]. Тогда это сильно возмутило чиновников консистории.

Обязательные вклады по новому уставу насчитывали 8 разрядов: 1-й – 48 рублей , 2-й – 42, 3-й – 36, 4-й – 30, 5-й – 24, 6-й – 18, 7-й – 12 и 8-й – 6. Необходимо отметить, что большинство сельского духовенства не могло вносить в кассу крупные вклады и, соответственно, рассчитывать на большую пенсию. Первый разряд могла позволить себе лишь небольшая часть городского духовенства.

Пенсия начинала начисляться после 10 лет взносов и возрастала до 35 лет. В дальнейшем, если вкладчик оставался на службе, он продолжал делать взносы, но пенсия уже не росла. Не лишались права участия в эмеритальной кассе и те, кто получал пенсию от государства или любые другие пособия (§ 25). Размер пенсии был компромиссным, самарский проект предполагал 40%, а Синод рекомендовал всего 20%. В результате размер пенсии был определен в 30% от внесенной суммы (§ 27) [34, с. 173-174].

Пенсия не полагалась лицам, сложившим сан, лишенным сана и поступившим в монашество. Вдовы священников могли рассчитывать на пенсию как по вкладам мужа, так и по своим собственным вкладам. Круглые сироты также могли рассчитывать на родительскую пенсию: сыновья получали ее до окончания духовных учебных заведений или до совершеннолетия, дочери – до совершеннолетия или до выхода замуж [Там же, с. 176-177].

Введение нового устава, по мнению епархиального начальства, должно было способствовать устойчивости эмеритальной кассы. Однако сомнения в этой самой устойчивости были как при старом уставе, так и при новом. Имеет смысл привести здесь некоторые цифры, касающиеся эффективности работы эмеритальной кассы Самарской епархии.

С одной стороны, статистика показывает, что общая сумма пенсионного капитала постоянно увеличивалась за счет взносов и отчислений церквей. Так, к концу 1895 г. в кассе числилось 673 672 р., 1900 – 756 078 р.,

1905 – 846 227 р., 1910 – 995 505 р. К 1915 г. капитал перевалил за миллион и составил 1 079 680 р. [38, д. 92, л. 8]. С другой стороны, эти деньги не использовались для выдачи пенсий; согласно уставу кассы, этот капитал, «который, как собственность всей епархии, никому и ни в каких случаях возврату из кассы не подлежит, никуда и ни на что не может быть употреблен» (§ 10) [34, с. 166]. Пенсии выдавались только из процентов (§ 11), которых как раз постоянно не хватало.

Действительно, как свидетельствуют финансовые документы, с 1896 года процентов, полученных с взносов духовенства, постоянно не хватало (кроме 1897 г.), и нехватка эта с годами увеличивалась. Только за 1904-1908 гг. расход превысил доход на 33 609 р. Для покрытия этой разницы деньги брались из благотворительного капитала и из сумм похоронной кассы.

Такая отрицательная динамика эмеритальной кассы вызывала опасения у епархиального духовенства. Причин у данной нехватки было много: общее снижение доходности процентных бумаг, практика внесения взносов «задним числом» за несколько лет (причем вкладчик получал право на пенсию, но процентов с таких взносов касса не получала в полном объеме) и др. Для исправления ситуации Комитет эмеритальной кассы в 1908 г. принял решение обменять билеты 4% государственной ренты на 6% обязательства Крестьянского Поземельного банка [38, д. 73, л. 46]. Первоначально эта мера действительно дала положительные результаты, и в 1909 г. проценты с капитала превысили расходы на пенсии более чем на 7000 р. [Там же, д. 76, л. 3]. Однако в дальнейшем этот разрыв сокращался, и в 1913 г. снова образовалась нехватка почти в две тысячи рублей [Там же, д. 89, л. 2 об.]. Поэтому вопрос о повышении эффективности эмеритальной кассы был актуальным вплоть до конца рассматриваемого периода.

О том, насколько этот вопрос волновал духовенство, можно судить по горячим спорам, развернувшимся на страницах епархиальных Ведомостей и на съездах духовенства. Так же активно обсуждался в начале XX века в Самаре, наверное, еще только один вопрос – постройка второго женского училища. В ходе полемики выяснилось, что согласия нет даже внутри Комитета эмеритальной кассы. Один из его членов священник Василий Красносамарский выступил без ведома коллег в епархиальных Ведомостях с предложением реформировать устав снова. Он считал кассу нерентабельной и предлагал платить пенсии не с процентов, а с самих взносов духовенства. Кроме того, Красносамарский само устройство кассы считал несправедливым, так как предоставляя возможность получать большие пенсии и без того небедным городским священникам, касса не соответствует идеалам братской взаимопомощи [19, с. 519-530]. Эта статья вызвала возмущение у остальных членов комитета во главе с протоиереем Квинтилианом Софотеровым, которые также выступили в печати с защитой эффективности кассы [9, с. 514-526].

Одна из сложностей заключалась в том, что делами кассы занимались не профессиональные экономисты и бухгалтеры, а сами священники, причем на основании одних и тех же данных делались совершенно разные прогнозы. В результате одни писали о том, что касса стабильна и ей ничто не угрожает, а по подсчетам других авторов получалось, что к 1939 г. расход на выдачу пенсий будет превышать доход с процентов более чем на 110 000 [30, с. 541]. В конце концов большинство авторов сошлось на необходимости внесения новых изменений в устав кассы, которые позволяли бы использовать при выдаче пенсий не только проценты с капитала, но и сам капитал. Останавливало только то, что при этом капитал замедлит свой рост, что, в свою очередь, отдаляло мечту руководителей кассы – достичь того момента, когда проценты с капитала будут покрывать все пенсии, не требуя от новых поколений священников уже никаких взносов.

В результате в 1911 г. даже руководитель Комитета эмеритальной кассы протоиерей Иоанн Беневольский согласился с необходимостью внести такую поправку в 11-й параграф устава, хотя и всячески отстаивал эффективность кассы [8, с. 370-371]. Съезд 1911 г. обсуждал этот вопрос, но решил прежде внесения изменений в устав создать специальную «историческую» комиссию из трех человек для изучения положения дел кассы за все время ее существования [13, с. 76-77]. В 1913 году эту комиссию переизбирали, так как она практически ничего не сделала. В результате на конец 1914 г. комиссия успела изучить только состояние кассы старого образца 1867-1904 гг., а к новой кассе еще не приступала [15, с. 41].

Еще одной формой взаимопомощи и социального обеспечения духовенства была похоронная касса. Впервые идея ее создания возникла у делегатов съезда 1901 года, потом было обсуждение на благочиннических собраниях и подготовка устава в 1902 г. Открылась касса по решению съезда 1903 года, управлялась Комитетом эмеритальной кассы и использовалась для выдачи единовременных пособий осиротевшим семействам священно-церковнослужителей. Участники делились на два разряда: 1) протоиереи, священники и кафедральные протодиакона и 2) диаконы и псаломщики. Единовременный взнос при вступлении в кассу для священников – 1 р., диаконов – 75 коп., псаломщиков – 40 коп. В случае смерти священнослужителя духовенство епархии делало разовый взнос: священники – 50 коп., диаконы и псаломщики – 25 коп. Таким образом, собиралось и выдавалось семье усопшего 400 (семье священника) или 200 (диакона или псаломщика) рублей [38, д. 58, л. 11].

В 1906 году было принято решение вместо разовых взносов по случаю смерти ввести регулярные ежегодные взносы: священник – 10 р., диакон – 7 р., псаломщик – 5 р. Всего же с 1904 по 1909 г. из кассы было выплачено семействам умерших 49 898,58 р. при приходе за это же время 72 887,71 [7, с. 255]. По новому уставу, принятому в 1912 г., пособия были более дифференцированными: 400 р. (семье священника), 300 р. (семье диакона) и 200 р. (семье псаломщика) [38, д. 86, л. 5 об.]. Согласно примечанию к § 15, остатки сумм переходили в запасной капитал и могли быть использованы для пополнения расходного материала, дополнительных пособий членам кассы, выдачи ссуд. Ссуда давалась на год под 6% по решению благочиннического

съезда, который определял степень нужды и размер ссуды (при этом размер не должен был превышать размер причитающегося пособия: 400, 300 или 200 р.) [Там же, л. 20 об.].

Необходимо отметить те сложности, которые возникли с самого начала в работе кассы: недостаточность запасного капитала, большое количество должников, несвоевременное представление благочинными списков умерших. В 1905 г. суммы похоронной кассы были объединены с суммами благотворительного капитала кассы эмеритальной для удобства управления [Там же, д. 64, л. 13 об.]. А в 1906 году было принято решение вместо разовых взносов по случаю смерти ввести регулярные ежегодные взносы: священник – 10 р., диакон – 7 р., псаломщик – 5 р. Всего же с 1904 по 1909 г. из кассы было выплачено семействам умерших 49 898,58 р. при приходе за это же время 72 887,71 [7, с. 255].

С 1909 года вокруг средств похоронной кассы разгораются нешуточные страсти, которые разделяют самарское духовенство на противоборствующие партии. В этом году по предложению Комитета свечного завода был создан фонд стипендий, задачей которого была выдача пособий детям духовенства, обучающимся как в духовных, так и в светских учебных заведениях и не получающим помощи от государства или епархии. В рамках поиска денег на данный проект в 1910 г. съезд своим журналом постановил передавать в фонд стипендий ежегодные остатки похоронной кассы взаимопомощи, начиная с остатков за 1908 год. Епископом этот журнал был утвержден [38, д. 76, л. 33]. С этого момента началась затяжная борьба между Комитетом эмеритальной кассы во главе с протоиереем Иоанном Беневольским и Комитетом свечного завода под руководством священника Андрея Альбокринова. Борьба выражалась в попытках перетянуть на свою сторону правящего архиерея и в постоянных столкновениях на епархиальных съездах духовенства.

Собственно, трения между двумя этими учреждениями возникли раньше. Дважды, в 1907 и 1908 годах, Комитет свечного завода пытался через съезд духовенства решить вопрос о займе для завода средств эмеритальной кассы в размере от 120 до 150 тысяч рублей соответственно под 6-8%. Комитет эмеритальной кассы был категорически против, и архиерей оказался тогда на его стороне [Там же, д. 73, л. 79].

И теперь в 1910 г. Комитет эмеритальной кассы отказался передавать остаток похоронной кассы фонду стипендий, которым ведал Комитет свечного завода. Аргументировали свою позицию члены комитета тем, что самой эмеритальной кассе не хватает расходного капитала. Свои права на эти деньги Комитет эмеритальной кассы обосновывал и тем, что в кассу взносы делают все и пользуются пенсиями тоже все, а в фонд вносят все, но не у всех дети учатся, и не все те, кто учатся, получают оттуда пособия (сначала сироты, затем дети младших клириков как самых бедных, а уже затем многодетных священников) [Там же, д. 80, л. 4].

Комитет свечного завода стал уговаривать архиерея, чтобы тот принудил эмеритальную кассу отдать деньги. Епископ Константин в феврале 1911 г. наложил резолюцию, передающую этот вопрос на следующий съезд духовенства. О себе же он заметил: «Делать же своею властью какие-либо распоряжения по вопросу о расходовании денежных средств, составляющих личную собственность духовенства, считаю себя не вправе, да и не имею времени входить в подробное рассмотрение таких вопросов» [4, с. 422].

На экстренном съезде духовенства в мае 1911 года был рассмотрен доклад специальной комиссии по данному вопросу, в котором предлагалось вообще изъять похоронные деньги из ведения Комитета эмеритальной кассы и соединить их с фондом стипендий, создав на их основе одно учреждение под заведыванием Комитета свечного завода. Положения доклада, за которым видна рука амбициозного о. Альбокринова и его сторонников, были приняты съездом с минимальными правками [38, д. 83, л. 46 об.]. Епископ Константин, и раньше скептически относившийся к идее помощи учащимся светских заведений, в своей резолюции допустил лишь возможность выдачи пособий учащимся заведений духовно-учебных и то в случае выработки четкого устава, определяющего предоставление этой помощи [Там же, л. 50-50 об.]. Устав взялся разработать сам председатель Комитета свечного завода о. А. Альбокринов.

Очередной съезд в августе 1911 г. уже обсуждал разработанный Комитетом завода устав нового учреждения, которое должно было носить название «Касса стипендий». Ряд пунктов скорректировали, а большинство приняли в редакции Комитета. Согласно этому уставу касса состоит из обязательных ежегодных взносов всего духовенства в размерах, определяемых съездами. Право на получение стипендий имеют сироты, а также дети духовенства: у священников начиная с 4-го учащегося, у диакона – с 3-го, у псаломщика – со 2-го. Размер стипендии – 50 р. в семестр [13, с. 10-11].

Управляло кассой Правление из 3 священников епархии, избираемых съездом на три года и утверждаемых епископом. Председателем Правления по делам кассы стипендий был избран глава Комитета свечного завода священник Андрей Альбокринов, что было вполне предсказуемо. На том же съезде было принято решение ассигновать на нужды кассы стипендий 7000 р. общеепархиальных денег, из которых 1000 должна пойти в фонд стипендий для учащихся светских заведений [Там же, с. 150]. В следующем году было решено ассигновать еще 6000 поровну на оба учреждения (кассу и фонд) [14, с. 32].

Кульминационным моментом съезда 1911 г. было специальное заседание с участием членов комитетов эмеритальной кассы и свечного завода, где противоборствующие стороны сошлись лицом к лицу. Вопрос стоял так: передавать или нет кассу взаимопомощи (похоронную) в ведение завода. После горячих споров 26 делегатов проголосовали против, 11 – за. Решили оставить средства в ведении Комитета эмеритальной кассы, но остатки все же передавать в фонд стипендий [13, с. 119]. Этому решению предшествовали доклады о. Иоанна Беневольского архиерею и съезду духовенства епархии (июль 1911 г.), где нежелание отдавать кассу объяснялось общностью целей (с эмеритурой), а также удобством выплат благочинными одновременно

и пенсий, и пособий осиротевшим членам семейств [5, с. 641-656]. Что касается остатков, то их за 1911-1912 гг. было уже передано в фонд стипендий около 16-18 тысяч рублей [1, с. 421].

Давление на Комитет эмеритальной кассы осуществлялось с разных сторон. Так, например, Комитет пытались перевести в одно из помещений свечного завода, что означало бы оказаться под пристальным наблюдением руководства последнего. Дело в том, что годами Комитет эмеритальной кассы помещался в Консистории в одной комнате с Попечительством о бедных. В 1912 г. секретарь П. Зорин велел протоиерею И. Беневольскому освободить площадь или платить за нее 180 р. в год. Съезд же не разрешил пользоваться для этого благотворительным капиталом кассы [14, с. 74]. Епископ Симеон планировал перевести Комитет в свободное помещение при свечном заводе, чего Беневольский всячески пытался избежать. В конце концов в октябре 1912 г. Симеон все же разрешил временно оставить кассу вместе с ее архивом в старом помещении [24, с. 8]. Абсурд ситуации заключается в том, что и эмеритальной кассой и Попечительством о бедных на тот момент заведовал один человек – протоиерей Иоанн Беневольский.

Пока длились все эти споры вокруг средств похоронной кассы, ее устав, посланный в Синод еще в 1903 г. (так и неодобренный), уже успел устареть. В 1912 г. Комитет эмеритальной кассы создал новый. В этой версии устава более дифференцированы пособия: 400 р. (семье священника), 300 р. (семье диакона) и 200 р. (семье псаломщика) [38, д. 86, л. 5 об.]. Авторы нового устава постарались подстраховаться от посягательств на средства кассы. Согласно примечанию к § 15, остатки сумм не могут быть использованы в других целях, даже если этого пожелает Епархиальный съезд [Там же, л. 11]. Они переходят в запасной капитал и могут быть использованы для пополнения расходного материала, дополнительных пособий членам кассы, выдачи ссуд. Ссуда дается на год под 6% по решению благочиннического съезда, который определяет степень нужды и размер ссуды (при этом размер не должен превышать размер причитающегося пособия: 400, 300 или 200 р.) [Там же, л. 20 об.].

Этот устав был вынесен на обсуждение благочиннических съездов Самарской епархии. Однако к съезду духовенства 1912 г. отзывы предоставили только 36 округов, и вопрос был отложен. В 1913 г. от остальных 18 округов епархии потребовали обсудить этот вопрос [24, с. 13-14]. В результате новый устав похоронной кассы так и не был утвержден вплоть до 1917 г. (а Синод даже старый вариант рассмотреть не успел).

Что касается кассы и фонда стипендий, то эти учреждения просуществовали очень недолго. Собственно говоря, полноценно функционировали они только в течение 1911/12 учебного года. За этот период касса выдала стипендий на сумму 8 150 р., а фонд – на 10 775 р. [14, с. 39]. В 1912 г. съезд рассматривал вопрос об увеличении стипендий до 150 р. и понижении ценза (чтобы у священника 3-й ребенок получал полную стипендию, а у диакона 2-й имел право получать хотя бы половину) [Там же, с. 42].

Но эти изменения уже не были приняты. Епископ Симеон (Покровский), сменивший Константина (Булычева) осенью 1911 года, имел свой взгляд на те инициативы в области социального обеспечения, которые вырабатывало самарское духовенство. В начале 1913 г. он направил в Синод представление о закрытии кассы и фонда стипендий. Указом Синода от 4 апреля 1913 г. оба учреждения были закрыты. Кассу посчитали ненужной, так как она существует обособленно от Правлений и Советов учебных заведений. Фонд стипендий для учащихся светских заведений вообще был учрежден не в порядке, установленном законом [32, с. 91-93]. Деньги, которые оставались в кассе, были направлены на учреждение полнокоштных или полукоштных стипендий. Деньги фонда перешли в распоряжение духовенства.

Надо сказать, что духовенство не оставило попыток поддержать учащуюся молодежь духовного звания. На съезде 1913 г. попытались выйти из положения, создав специальный «романовский» фонд (по поводу юбилейного года). В него предполагали внести 150 000 р. из сумм свечного завода. С этой суммы планировали получать ежегодно 9 000 р. процентов, плюс к этому должны отчислять 6 000 р. из чистой прибыли от свечей и 15 000 из 20-рублевого сбора (основной причтовый сбор). Епископ Симеон отказался утверждать это предложение без согласования с Синодом [15, с. 59].

На экстренном съезде духовенства в январе 1914 г. вопрос о «романовском» фонде снова был на повестке дня. На этот раз архиерей – это был уже архиепископ Питирим (Окнов) – разрешил выдать 150 стипендий духовным и 150 – светским студентам, но только на 1914 г. Дальнейшую судьбу фонда все равно должен был решить Синод [16, с. 105]. Начавшаяся Мировая война отодвинула очень многие вопросы на задний план; эта участь постигла и фонд стипендий.

Пенсии и стипендии были не единственными формами социальной поддержки. В 1898 г. при епископе Гурии был восстановлен на время прекращенный 1%-й сбор с причтов епархии на лечение и содержание в больнице бедных духовного звания. А в 1904 году по предложению Пятигорского управления общества Красного Креста съезд принял решение ассигновать 1000 р. для того, чтобы можно было затем в сезон лечить на Кавказских минеральных водах по 6 представителей духовенства епархии. Протоиерей Иоанн Беневольский составил правила пользования этими курортами [26, с. 1020-1023]. В дальнейшем духовенство епархии регулярно пользовалось этим лечением, отчеты о чем печатались в епархиальных Ведомостях.

Необходимо отметить, что Церковь не только старалась обеспечить достойное существование священнослужителям, их семьям и другим служащим по Ведомству православного исповедания. Не могла она оставаться в стороне от нужд всего православного народа. Особенно это касается голода, войн и других тяжких бедствий, которые объединяли все общество. Для оказания помощи создавались различные учреждения как в системе епархиального управления, так и на низовом – приходском уровне.

В начале XX века в Поволжье был целый ряд засушливых годов, что приводило к массовому голоду. В ноябре 1911 г. епископ Симеон инициировал создание Самарского епархиального комитета местного

управления Красного Креста. В декабре было получено согласие гражданской власти. Комитет был совершенно самостоятельным, лишь предоставляя в конце года в местное управление Красного Креста цифровую отчетность.

Средства епархиального комитета складывались из пожертвований губерний, не пострадавших от голода (Комитет распространял воззвания), сборов по причтам епархии, кружечного сбора, штрафов, взимаемых Попечительством.

Цели Комитета: 1) пособия вдовам, сиротам и заштатным, не получающим других пособий и 2) устройство столовых для учащихся церковных школ. И то и другое предоставлялось по ходатайству благочинного. На местах для устройства столовых образовывались комитеты из 5 человек (священник и 4 выборных от крестьян). К февралю 1912 г. было открыто уже 5 столовых на 250 человек и 300 р. пособий было выдано [31, с. 86]. Кроме того, священники активно работали в участковых и сельских попечительствах, которые гражданская власть открывала для заведования столовыми.

Правда вклад епархиального Комитета по сравнению с земством и другими учреждениями все же был скромным из-за ограниченности в финансах. Так, по данным на 1911/12 учебный год в Бугульминском уезде было открыто 60 столовых. На их содержание земство отпустило 5620 р., епархиальный Комитет – 294 р. В Николаевском уезде: 44361 р. и 315 р. соответственно. В Новоузенском уезде 55 школ кормились на средства земства и только 1 на средства Комитета. В остальных уездах столовые функционировали практически целиком на деньги земства и частных лиц [20, с. 588-591].

Широкую благотворительную деятельность развернула Самарская епархия в связи с начавшейся в 1914 году Мировой войной. Уже 9 августа был образован Самарский епархиальный комитет по оказанию помощи раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну. Возглавил его епископ Михаил (Богданов). В состав Комитета вошли все сотрудники Консистории, ректор семинарии, несколько благочинных, наблюдатель церковных школ, епархиальные миссионеры, члены Комитета свечного завода.

Только за конец 1914 г. Комитет собрал 27 303 р., а в 1915 – уже 86 715 р. На эти деньги были устроены 2 лазарета в Самаре (20 и 50 коек) и еще 10 коек содержались в этапном лазарете Государственной Думы [28, д. 2727, л. 50]. Духовенство епархии обязалось ежемесячно отчислять взносы в Губернский комитет Красного Креста (священники – 3 р. 50 коп., диаконы – 2 р. 35 коп., псаломщики – 1 р. 15 коп.) [37, д. 497, л. 37а]. На эти средства было устроено филиальное отделение лазарета Красного Креста «имени духовенства Самарской епархии» (до 200 коек). Кроме того, в монастырях епархии функционировало 10 лазаретов на 92 койки [28, д. 2727, л. 53].

Приходы епархии только за 1915 г. собрали 44 357 р. и 11 896 пудов хлеба, а также производили уборку хлеба и посев озимых для семей воинов. Комитет, в свою очередь, в страдные месяцы содержал в ряде сел приюты-ясли, чтобы обеспечить взрослым возможность трудиться в поле [Там же]. Священники часто возглавляли и сельские попечительства, которые создавались по линии земства, так было в Бугурусланском уезде в 30 волостях из 49 [22, с. 629].

Большую работу проводил и созданный в том же августе 1914 г. Епархиальный комитет по устройству быта беженцев. Беженцев размещали в Самарском Николаевском мужском монастыре, Иверском женском монастыре, трех церковно-приходских школах, учительских квартирах, причтовом доме Ильинской церкви. Всего в Самаре постоянно размещалось от 100 до 119 человек. Кроме того, Комитет оплачивал учебу детям беженцев (около 1000 р. в год) [28, д. 2727, л. 55].

Подводя итоги, можно сказать, что в Самарской епархии на рубеже XIX-XX веков вопрос социального обеспечения был одним из самых актуальных. Этот вопрос не был решен государством до конца синодального периода, что стимулировало Церковь, в первую очередь на епархиальном уровне, искать поиск выхода из ситуации самостоятельно. Самарская епархия находилась в относительно благополучном состоянии, так как здесь были сильны традиции взаимопомощи и поддержки социально незащищенных. Достаточно сказать, что эмеритальная касса, открытая в Самаре в 1867 г., была первым подобным учреждением в епархиях Русской Церкви.

Начало XX было временем, когда в работе учреждений, существовавших в структуре епархиального управления, происходили изменения, направленные на повышение эффективности их деятельности. В 1904 г. был принят новый устав эмеритальной кассы, который делал участие в ней духовенства обязательным и через повышение взносов позволял получить пенсию, в разы превышающую ту, на которую духовенство могло рассчитывать по старому уставу. В 1907 г. была пересмотрена деятельность Попечительства о бедных, повышены пособия, установлена более четкая дифференциация нуждающихся. Эти учреждения не утратили своей актуальности, даже когда государство в 1902 г. все же приняло Устав о пенсиях для духовенства. Достаточно сравнить цифры. Согласно этому Уставу, рядовые священники получали пенсию размером в 300 р. (больше получали только кафедральные и соборные протоиереи) [33, с. 233]. В то же время из эмеритальной кассы священник мог получать, внося даже не по первому, а по третьему разряду, 378 р. Кроме того, полная пенсия от государства полагалась лишь тем, кто отслужил 35 лет (минимум 34 года и 6 месяцев). Те же, кто не дотянул до нужного срока, получали половину пенсии и меньше [Там же, с. 232].

Кроме классических проверенных временем форм взаимопомощи и социальной поддержки в начале XX в. появляются новые, наглядно демонстрирующие основные заботы духовного сословия. В 1903 г. была создана похоронная касса для поддержки осиротевших семейств духовенства. В условиях оттока молодежи духовного звания, ее нежелания идти по стопам отцов характерно появление фонда стипендий, который поддерживал детей духовенства, учащихся в светских учебных заведениях.

Необходимо сказать и о сложностях, с которыми сталкивались благие начинания в Самарской епархии. В первую очередь, речь идет о материальных проблемах. У всех учреждений взаимопомощи было не так много источников финансирования. Поскольку надеяться только на добровольные пожертвования было нельзя, оставалось самообложение, т.е. обязательные взносы с приходов или лично с духовенства. Но и этот ресурс был ограничен при существовавшем уровне благосостояния. Кроме того, сборов и отчислений было огромное количество и помимо благотворительных касс. Когда в 1908 г. решался вопрос о назначении сбора на Православное миссионерское общество, выяснилось, что значимых праздников, в которые еще не проводятся какие-либо сборы, всего два – Благовещение и Троица (потом сборы назначили и в эти дни) [21, с. 558].

При этом нельзя сказать, что тот социальный и благотворительный потенциал, который был в Самарской епархии, реализовали в полной мере. Причиной этому послужили определенные изъяны в сфере управления. При отсутствии единого центра вопросами социального обеспечения и благотворительности занимались сразу несколько учреждений, которые далеко не всегда действовали скоординированно. Иногда это приводило даже к прямой борьбе за ограниченные ресурсы (борьба Комитетов эмеритальной кассы и свечного завода за суммы похоронной кассы). Можно предположить также, что при другом подходе достаточно крупные средства, скопившиеся в неприкосновенном капитале эмеритальной кассы, могли бы быть рационально использованы. Однако Комитет отвечал отказом на все попытки позаимствовать часть этих денег.

Сыграл свою роль и дух разобщенности, партийности, который активно проникал в жизнь духовенства с 1905 года. Благодаря этому обсуждение ряда вопросов (в основном материальных) на съездах превращалось в настоящую парламентскую борьбу с кулуарными переговорами и интригами. Позиция правящего архиерея также не всегда совпадала с мнением большинства духовенства, как, например, позиция Симеона (Покровского) и Питирима (Окнова) по кассе стипендий. К этому нужно прибавить общую неповоротливость церковно-бюрократического аппарата, когда Синод по 10 лет не мог рассмотреть присланный устав того или иного учреждения. Тогда мы получим общую картину тех трудностей, с которыми сталкивалось дело социального обеспечения, взаимопомощи и благотворительности.

Список литературы

1. **Беневольский И., прот**. Об оказании помощи учащимся детям духовенства Самарской епархии // Самарские епархиальные ведомости (СЕВ). 1912. № 10. Неофициальная часть. С. 415-423.
2. **Введенский В.** По поводу образования при Святейшем Синоде Особого Совещания по вопросу об обеспечении православного духовенства // Прибавления к Церковным ведомостям. 1910. № 40. С. 1691-1694.
3. **Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг.** СПб., 1910.
4. **Доклад экстренному съезду Комитета Епархиального свечного завода по фонду стипендий от 10 мая 1911 г. за № 121** // СЕВ. 1911. № 15. С. 417-424.
5. **Доклады Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии** // СЕВ. 1911. № 23. Официальная часть.
6. **Журнал благочиннического собрания г. Самара** // СЕВ. 1895. № 5. Официальная часть.
7. **Журнал Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии от 28 сентября 1910 г. за № 78** // СЕВ. 1911. № 10. С. 254-268. Официальная часть.
8. **Журнал Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии от 27 июня 1911 г. за № 66** // СЕВ. 1911. № 14. Официальная часть.
9. **Журнал Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии** // СЕВ. 1908. № 18. Официальная часть.
10. **Журнал Самарского духовного попечительства № 393 от 18-25 ноября 1910 года** // СЕВ. 1911. № 2. Официальная часть. С. 57-67.
11. **Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1902 года** // СЕВ. 1903. № 18. Официальная часть. С. 197-267.
12. **Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1907 года** // СЕВ. 1908. № 1. Официальная часть. С. 9-46.
13. **Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 года.** Самара, 1911. 152 с.
14. **Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 года.** Самара, 1912. 144 с.
15. **Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года.** Самара, 1913. 220 с.
16. **Журналы экстренного Епархиального Съезда духовенства Самарской епархии январской сессии 1914 года** // СЕВ. 1914. № 5. Официальная часть. С. 78-106.
17. **Извлечения из журналов съезда духовенства Самарской епархии сессии 1896 года, утвержденных Его Преосвященством** // СЕВ. 1896. № 18. Официальная часть. С. 325-360.
18. **К предстоящему съезду епархиального духовенства. От Самарского Духовного Попечительства о бедных духовного звания** // СЕВ. 1905. № 11. Официальная часть. С. 441-452.
19. **Красносамарский В., свящ.** Необходимость пересмотра устава эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1908. № 13. Неофициальная часть.
20. **Никольский А., свящ.** Снабжение беднейших учащихся церковных школ Самарской епархии пищею и одеждою в 1911-12 учебном году // СЕВ. 1912. № 19. Неофициальная часть.
21. **О дне сбора в пользу миссии** // СЕВ. 1908. № 20. Официальная часть. С. 558-559.
22. **Об объединении деятельности приходских попечительств с сельскими попечительствами** // СЕВ. 1914. № 19. Неофициальная часть. С. 629-630.
23. **От Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии** // СЕВ. 1894. № 10. Официальная часть.
24. **От Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии** // СЕВ. 1913. № 2. Официальная часть. С. 7-14.
25. **Положение об Эмеритальной кассе военного сухопутного ведомства.** СПб., 1894. 43 с.
26. **Правила о порядке приема кандидатов в колонии Красного Креста в Пятигорске, Ессентуках и Железноводске и условия содержания в них пансионеров из духовенства Самарской епархии** // СЕВ. 1905. № 24. Официальная часть.
27. **Римский С. В.** Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М., 1999. 567 с.

28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.
29. С. Г. К. Самарская епархиальная богадельня имени императора Александра III // СЕВ. 1897. № 9. Неофициальная часть. С. 371-381.
30. Смирнов Петр, свящ. Еще о состоянии эмеритальной кассы // СЕВ. 1911. № 10. Неофициальная часть. С. 536-542.
31. Третьяков П., свящ. Самарский Епархиальный Комитет местного Управления Красного Креста // СЕВ. 1912. № 2-3. Неофициальная часть. С. 83-86.
32. Указ Святейшаго Правительствующего Синода от 4 апреля 1913 года о закрытии кассы взаимопомощи и фонда стипендий // СЕВ. 1913. № 10. Официальная часть.
33. Устав о пенсиях и единовременных пособиях епархиальным священнослужителям // Церковные ведомости. 1902. № 25. С. 231-237.
34. Устав эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1904. № 9. Официальная часть. С. 163-181.
35. Учреждения и уставы о общественном призрении // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. 996 с.
36. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 40. Оп. 3.
37. ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1.
38. ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1.

SOCIAL AND CHARITABLE INSTITUTIONS IN STRUCTURE OF DIOCESAN ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF SAMARA DIOCESE)

Kokarev Maksim Sergeevich
Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies
maxim.kokarev.1980@mail.ru

In the article principles, on which the social and charitable institutions of the Russian Orthodox Church of the end of the Synodal period were based and which functioned at diocesan level, are considered. The analysis is carried out by the materials of Samara diocese that had strong traditions of mutual aid and social support. The author focuses on the mechanisms of administration, mutual relations between social and charitable institutions and on the role of various levels of the diocesan authority in the administration of these structures.

Key words and phrases: old age insurance scheme; consistory; guardianship of the poor; pensions; lump-sum allowances; bishop; diocesan convention; regional church history; the Middle Volga region.

УДК 34; 343.2/7
Юридические науки

В статье показаны подходы к законодательному регулированию наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Обобщены и проанализированы перспективы совершенствования положений законодательства о данном наказании как в литературе, так и в научных трудах. Отражены пробелы в случаях назначения рассматриваемого вида наказания как в качестве основного, так и в качестве дополнительного. Предложена авторская редакция Статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова и фразы: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исполнение наказаний; система наказаний; уголовный кодекс; уголовно-исполнительный кодекс.

Кокшова Марина Владимировна
Омская академия МВД России
lesnaya777@yandex.ru

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ©

Анализ изменений, внесенных в ст. 47 УК РФ в 2009 и 2011 гг., позволяет отметить, что законодатель пошел по пути увеличения срока лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемого в качестве дополнительного наказания, вплоть до двадцати лет (например, по делам о преступлениях против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних), а также уточнил особенности исчисления срока наказания при дополнении им лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части, ареста, принудительных работ. Таким образом, законодатель не демонстрирует повышенного внимания к данному виду наказания и не рассматривает его в качестве перспективной меры в системе наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

© Кокшова М. В., 2014